

Е.Г. Царева

ВОРСОВЫЕ КОВРЫ С СЮЖЕТОМ ЛЬВА И ТИГРА В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ТКАНЯХ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Предлагаемая статья написана в рамках работы над большим международным проектом, названным авторами «Рождение ковра»¹. Цель исследования — выявить истоки ворсового ткачества, проследить пути его распространения и описание тех известных нам локальных вариантов, которые сложились на территории Старого Света к XIV в. н.э. Одной из ярчайших страниц в истории ворсового ткачества населения Евразии являются ковры так называемой «бактрийской группы». Определение «ковры бактрийской группы» складывалось постепенно, практически параллельно с началом работы по систематизированию и атрибуции той сравнительно небольшой группы артефактов (на сегодняшний день известно около 30), структурные и художественные особенности которых позволяют объединить их в единый тип и определить его принадлежность к памятникам бактрийского круга. В научный обиход термин был введен авторами проекта недавно, буквально два–три года назад, но получил широкое распространение в силу своей точности и выразительности.

Значительная часть ковровых изделий бактрийской группы, как цельных, так и фрагментарных, являются археологическими находками. Ареал последних очень широк: он охватывает зону распространения бактрийской культуры и включает в себя территории проживания таких ее важнейших носителей, как центрально-азиатские сакские племена, в частности Кушанскую империю.

Важным обстоятельством, способствующим правильному пониманию места изучаемых ковров в истории ворсового ткачества, стал тот факт, что большая их часть датирована по углероду. По времени изготовления ковры бактрийской группы фиксируются в диапазоне от середины первой половины I тыс. до н.э. (Башадар-1²) и до VI в. н.э., при этом большая их часть относится к периоду расцвета кушанской империи.

¹ Проведение входящей в состав проекта выставки («Рождение ковра» — «The Birth of the Carpet») и одноименной конференции планируется на 2010 год (Берлин, Музей Исламского искусства).

² Башадар-1 относится к курганам Пазырыкского скифского типа, датирован VI в. до н.э. В кургане был найден выполненный в узелковой вязке фрагмент наседельника, по техническим характеристикам попадающий в круг ковров бактрийского типа. Сделанное Е. Царевой структурное описание см.: [Barkova 1999: 69].

Следует пояснить, что внутри массы ковров бактрийского типа выделяются **собственно бактрийские** изделия, созданные в пределах II–VI вв. н.э. и включаемые в названную группу вне зависимости от времени изготовления и места обнаружения (вопрос о конкретных точках изготовления пока вообще остается за скобками). В данной работе будут рассмотрены ворсовые ковры именно этой группы.

Вплоть до последних лет бактрийские ворсовые находки изучались мало, в отличие, скажем, от знаменитого пазырыкского ковра середины IV в. до н.э., представляющего собой исключительное произведение текстильного искусства и воплощающего высочайшие идеи своего времени³. Ковер найден на территории расселения конфедерации сакских племен (Алтай), но был изготовлен, по моему мнению, профессиональными мастерами в одном из ковродельческих центров северо-западных окраин Ахеменидской империи. Далеко не каждый найденный археологами тканый объект может быть изучен и интерпретирован так тщательно, как Пазырыкский ковер, который был достаточно быстро опубликован Руденко на русском и английском языках и благодаря этому стал известен широкому кругу исследователей⁴. В процессе изучения истории развития техники ковроделия, однако, важен каждый, даже крошечный кусочек ткани (ярким примером может служить башадарский фрагмент). В тех же случаях, когда на изделии сохранился декор, мы можем попытаться выявить рисунок, определить характер, стиль, ареал распространения изображения, иногда его символику и др. В этом отношении бактрийские ковры с их ярким, хорошо читаемым декором, представляют прекрасный материал.

Причины слабой изученности бактрийских ковров достаточно многочисленны. Первое — круг памятников формировался очень медленно, в течение ста с лишним лет. Вполне естественно, что единичные разрозненные и зачастую анонимные находки долгое время существовали дискретно и до последнего времени не были объединены в единую группу.

Второе — в силу длительности периода накопления материалов наиболее яркие и выразительные экспонаты рассматриваемой группы попали в разные коллекции, как музейные, так и частные, что невероятно затрудняет их изучение. Третье — значительная часть ранних по времени обнаружения памятников представляет собой фрагменты, обычно, к сожалению, мало ценимые археологами и историками искусства, поэтому не описанные и не изданные. В результате названных обстоятельств возникла ситуация, при которой даже опубликованные и хорошо известные материалы (например, коллекции сэра А. Стайна) долгое время оставались за рамками фундированных исторических исследований.

Прослеживание истории сложения круга интересующих нас артефактов показывает, что в силу разных обстоятельств основные находки были со-

³ Литература о Пазырыкском ковре необычайно обширна. Важнейшие работы см.: [Barkova 1999: 110].

⁴ Тканям и коврам была посвящена публикация С.И. Руденко на английском языке [Rudenko 1970].

средоточены в Восточном Туркестане, в поселениях бассейна реки Тарим, преимущественно в его древних торгово-ремесленных центрах. Первыми по времени обнаружения зафиксированными ворсовыми фрагментами были находки экспедиций сэра Ауреля Стайна, Альберта ван Ле Кока, Свена Хедина, др.⁵ Самыми ранними и наиболее известными из них стали фрагменты из коллекций А. Стайна [Stein, 1921; 1928], ныне находящиеся в Британском музее и в Национальном музее Индии в Дели. Следует отметить, что столь же полно описанными и опубликованными являются ткани, обнаруженные экспедициями С. Хедина⁶.

Проводимые в последние годы китайскими археологами раскопки поселений Восточного Туркестана (Синцзян-Уйгурской автономной области КНР по современной терминологии) значительно пополнили фонд ковров бактрийского типа. К настоящему времени нам известно около 20 образцов разной, в том числе и достаточно полной, сохранности, хранящихся в музеях Урумчи, Хотана и Турфана. Большая часть последних опубликована, к сожалению, в основном на китайском языке⁷. Отдельные предметы, однако, вошли в каталоги зарубежных выставок: они, как правило, описаны, хотя и без структурных характеристик, и сопровождаются прекрасными иллюстрациями⁸. Что касается мелких фрагментов, то сведения о них отсутствуют.

С началом войны в Афганистане появляются случайные поступления бактрийских ковров, обнаруженных в пещерах Гиндукуша, расположенных по Южной трассе Великого Шелкового Пути. Все известные нам «афганские» бактрийские ковры стали экспонатами частных коллекций, рассеянных по странам Старого и Нового Света от Бангкока до США. Ни один из них, включая интереснейшие высокохудожественные образцы, до настоящего времени не опубликован, хотя многие владельцы позволили сделать структурные описания последних и включить их в состав формирующейся выставки «Рождение ковра».

В 1967 г. был найден самый ранний известный нам иранский фрагмент бактрийского круга изделий, обнаруженный археологами в Шахри Кумисе, Хорасан [Kawami 1991]. К сожалению, точных сведений о более поздних иранских находках нет, хотя есть неопубликованная информация об их обнаружении.

В связи с малой изученностью вопроса практически любая работа по теме бактрийского ковроделия является новым исследованием. Это касается и таких основных моментов, как базовые идентификационные признаки

⁵ Литературу по истории первых экспедиций в бассейн реки Тарим см.: [Hopkirk 1980].

⁶ Обнаруженные экспедициями Хедина ткани были опубликованы в серии специальных изданий. Интересующие нас ворсовые шерстяные фрагменты в: [Sylwan 1949].

⁷ Наиболее полная информация содержится в журнале, издаваемом ежегодной студенческой экспедицией под руководством проф. Фэнг Чжао, университет Шанхая.

⁸ В реальности мы можем говорить только о нескольких фрагментах, среди которых часть каймы рассматриваемого ниже ковра со львом и тигром [Ursprünge 2007, fig. 140]; фрагмент с ибиксами, с лентами [Glanz der Himmelsöhne 2006, fig. 76] и др. Из ковров с близкой к полной сохранности опубликован «лежачий лев» [König 1999: 87; Wenying 2006, fig. 198, 199].

Рис. 1. Каменный рельеф с изображением ковра. Гандахара, II в. н.э.
(по: [Central Asian Textiles 2006, fig. 55]).

ковров бактрийской группы, а именно: формы изделий, описания структур, круг изображений и их стилистика и др. Объектом дискуссии данного сообщения являются сюжеты с изображениями кошачьих на рассматриваемых коврах. Однако представляется возможным привести хотя бы самые общие сведения о характеристиках, на основании которых мы относим те или иные археологические ткани к коврам бактрийского типа.

Начнем с такого формального признака, как форма. Бактрийские ковры вытянуты, соотношение ширины к длине близко к 2:1 при общих размерах в пределах 140–160 × 280–300 см⁹ и часто имеют заваленные углы. Обязательный показатель — введение с изнанки ворса длиной до 20 см. Убедительным подтверждением данного наблюдения стало опубликованное недавно изображение ковра с названными показателями на рельефе из Гандахары, II в. н.э. [Central Asian Textiles, fig. 55] (рис. 1).

Отличительным качеством бактрийских ковров является использование в структурах ворсовых тканей узлов разных типов при доминировании асимметричного открытого влево, часто сочетающегося с вязкой на одной нити основы, симметричными узлами (часть ковров выполнена исключительно симметричной вязкой), с приемом пэкинг и др. (рис. 2a–d).¹⁰ Помимо орнаментированных узелковых широкое распространение имели недекорированные петлевые изделия (рис. 2e). Также были выявлены ковры, выполненные одноярусной вязкой, которую я рассматриваю как промежуточную между петлевой и узелковой техниками (рис. 2f).

⁹ Как было сказано выше, большую часть находок составляют фрагменты, поэтому выводы о размерах бактрийских постилочных ковров основаны на ограниченном материале и, следовательно, весьма неполны.

¹⁰ По разнообразию применяемых в узлоязании приемов бактрийские ковры могут сравниться только с классическими туркменскими. Ни в какой другой группе ворсового ковроделия подобная вариативность не наблюдается.

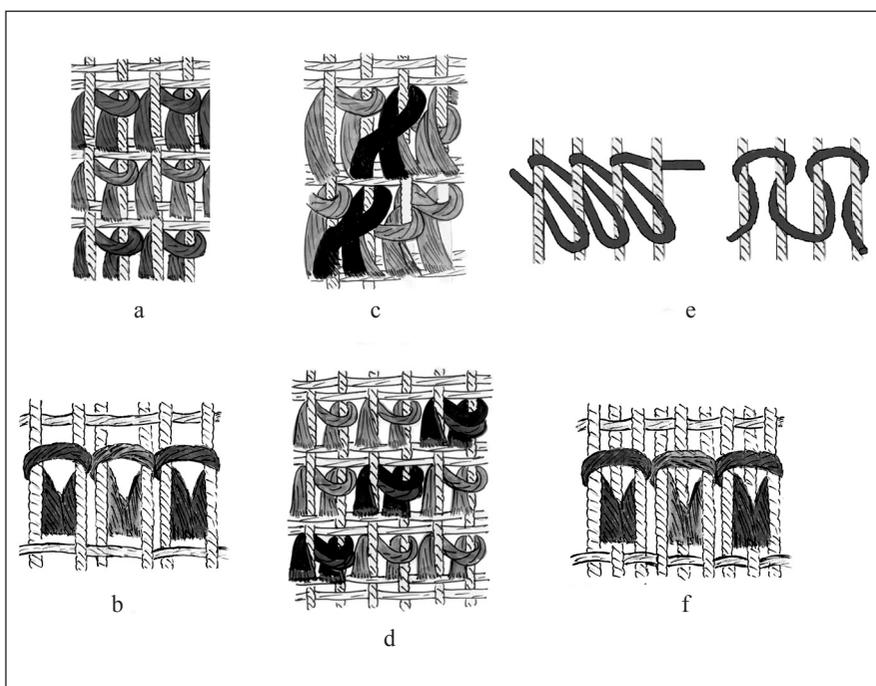

Рис. 2а: асимметричный открытый влево узел; 2б: симметричный узел; 2с: узел на одной нити основы; 2д: прием пэкинг; 2е: петлевая техника вязки; 2ф: одноярусная вязка.

Третьим характерным признаком является цветовая гамма, отличающаяся богатством ярких теплых тонов.

Четвертое — это определенный набор каймовой орнаментики, сочетающей эллинистические меандры (лист аканта, др.) с типично центрально-азиатскими геометрическими мотивами в виде шашечной клетки, пирамидок-гор и др. Пятое — разнообразие, можно даже сказать, эклектичность в выборе сюжетов центрального поля.

Даже самый поверхностный анализ демонстрирует принадлежность последних к нескольким стилистическим группам, разнесенным на эпохи по времени и на разные континенты по ареалам сложения и распространения. Наиболее архаичные, геометрические по характеру мотивы соотносятся с рисунками на энеолитической керамике из поселений северных предгорий Копет-Дага (Геоксюр и др.). Самым простым примером может служить клетка, как прямая, так и диагональная. Та и другая могут просто накладываться на фон центрального поля, но достаточно часто имеют заполнение, иногда достаточно сложное (рис. 4а).

Другим ранним слоем являются сюжеты, главным образом зооморфные, но также и растительные, характерные для памятников Бактрийско-Маргеланского археологического комплекса¹¹. В качестве стилистического и сюжетного аналога мотивов сакского типа можно привести изображение

¹¹ Сравните, например, с рисунком на бактрийских каменных печатях II тыс. до н.э. [Сарианиди 2002: 275, др.].

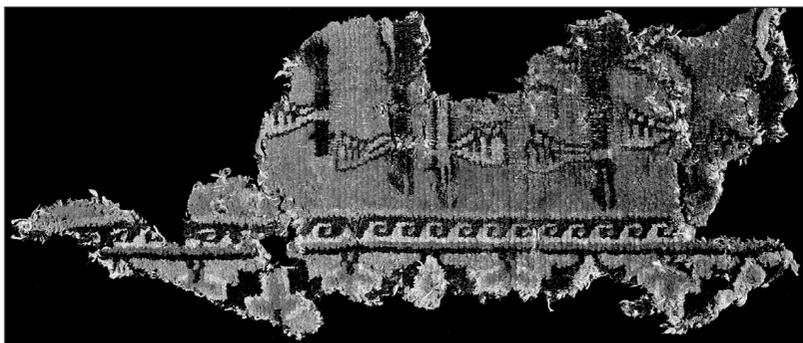

Рис. 3. Фрагмент с изображением ног ибиксов с бантами, 254–428 гг. (по: [Tsareva 2004: 192]).

лошадок с большими опущенными к ногам головами, подобных той, что украшает килимную вставку на композитной юбке из Шампулы (долина реки Тарим, период Хань) [Fabulous 2001, fig. 8]. К широко известному скифскому кругу изображений тяготеет мотив летящих оленей (известный автору образец датирован 380–640 гг.).

Еще одна группа изображений близка по иконографии и тематике к сюжетам, типичным для художественных изделий древнеиранской ахеменидской и сасанидской культуры. Один из самых ярких предметов такого типа — ковер, вернее, фрагмент ковра с изображением ног ибикса, с лентами (рис. 3). Типичный для сасанидского искусства мотив встречается на различных памятниках периода раннего средневековья, от скальных рельефов иранских шахиншахов до шелковых самитов (рис. 4)¹².

В известных нам коврах достаточно часто встречаются также эллинистические по характеру и бактрийско-кушанские по содержанию сцены с изображениями любовных пар; в то время как на одном из ковров представлен сидящий бодисатва с адорантами (датируется 260–532 гг.).

С точки зрения организации рисунка в декоре центрального поля бактрийских ковров преобладают панельные композиции (рис. 6) и компартимент, как с прямой клеткой, заполненной анималистическими сюжетами (например, лошадками), так и с косой; образцом может служить многократно публиковавшийся наседельник из собрания Музея Хиньяна в Урумчи (рис. 7). Встречаются также полосатые построения (примером может служить описанный выше «каменный» ковер, рис. 1) и фризовые.¹³

Однако среди самых популярных, а по мнению ряда специалистов, и наиболее часто встречающихся ковровых мотивов, были изображения идущих и лежащих львов и тигров. Нас интересует история появления данных сюжетов на бактрийской «почве» и сложение их иконографии. Начнем со льва, образ которого имел невероятно широкое распространение на Вос-

¹² Пример — прорисовка ткани с настенной росписи храма в Пенджикенте [Kazuko 2006, fig. 108].

¹³ К сожалению, как было сказано выше, большая часть известных нам ковров бактрийского типа не опубликована и не будет опубликована до момента появления в печати каталога выставки «Рождение ковра», поэтому авторам работ о бактрийском ковроделии приходится ограничиваться словесными описаниями.

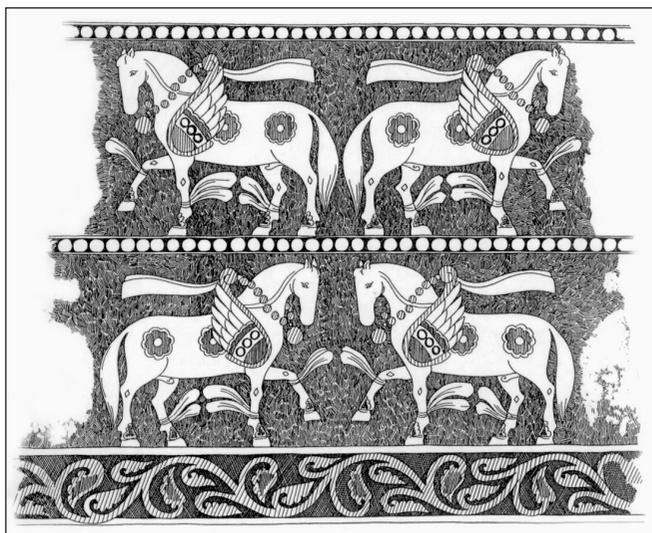

Рис. 4. Рисунок ткани с изображениями коней.
Пенджикент, VI в. н.э. (по: [Marshak 2006]).

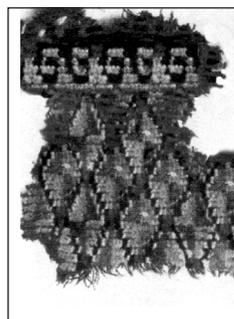

Рис. 4а. Деталь
фрагмента ковра
с геометричес-
кими мотивами,
реконструкция.
Лоулан.

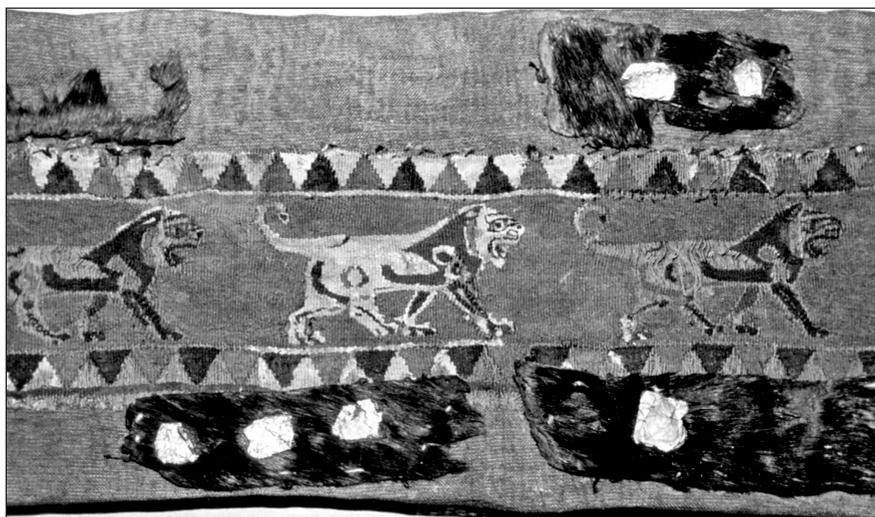

Рис. 5. Деталь нагрудника с изображением шествия львов, IV в. до н.э.
5-й Пазырыкский курган (по: [Руденко 1970]).

токе с периода древности. Самое раннее из известных нам изображений датируется неолитическим периодом и происходит из Малой Азии. Это фигура богини Солнца Аринны с фланкирующими львами, Чатал-Хуюк, ок. 6000 до н.э. [Hroudа 2005: 50]. По-видимому, данный вариант стал в какой-то момент каноничным, поскольку композиционно и сюжетно близкие изображения существовали и в эллинистический период¹⁴.

¹⁴ К данному кругу памятников, например, относится копия статуи малоазийской богини Кибелы, владычицы людей и зверей, II в. н.э., Изник [The Treasures of Istanbul: 63].

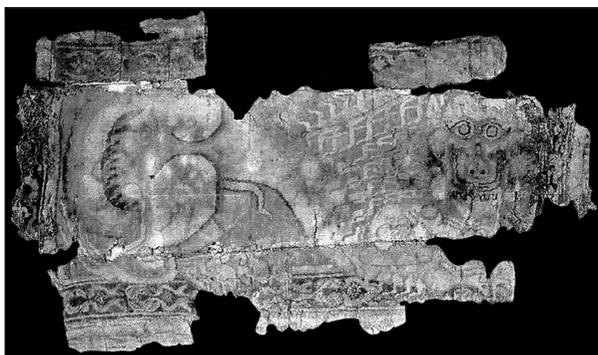

Рис. 6. Ковер «Лев лежащий». Йингпан, Лоулан
(по: [Central Asian textiles 2006, fig. 198]).

Лев был одним из важнейших животных для искусства Месопотамии и Египта, индийского, иранского и скифского миров. Достаточно часто фигура льва несет охранную функцию, однако обычно мы находим его изображения в сценах царской охоты, борьбы и победы царя и героя над зверем. Они могут также служить ездовыми животными богов и царей. Все эти варианты соответствуют композитному, если можно так сказать, характеру образа льва — символу божественной (царственной) власти, силы, огня и солнца, покровительства и защиты, обретавшего свои черты постепенно, в разные эпохи и в разных мифологических системах, что особенно ярко демонстрируют образы сфинксов и грифонов (невероятно выразителен львинозмей змееголовый грифон из Гонура, кон. III тыс до н.э. [У истоков 2004, оборот обложки]).

Несмотря на то что каждая традиционная культура преломляла данный символ по-своему, все ранние изображения львов, за редчайшими исключениями, имеют определенную общность в образе — звери свирепы. То есть они нападают, защищаются, либо защищают. Еще одним достаточно распространенным вариантом является изображение идущего царя зверей либо шествия львов. С определенного времени этот мотив становится популярным на территориях, так или иначе связанных с теми группами населения Евразии, основным занятием которых с периода бронзы стало подвижное скотоводство.

Вероятно, одним из самых ранних изображений такого рода являются львы ворот городской стены Малатийи в Арслантепе, 1050–850 гг. до н.э. [Akurgal 2001: 211]. Близкими по времени являются идущий лев с Урартского рельефа VII в. до н.э. [Akurgal 2001: 227], и невероятные по мощи и выразительности львы ворот Иштар, Вавилон, VI в. до н.э. [Marzahn 1995, fig. 2, 3].

Аналогичны по стилю и иконографии львы на двух рельефах Персеполиса (522–486 BC). Один из них представляет сцену аудиенции Дария I, на котором могущественный правитель сидит под балдахином с изображением шествия львов; на другом — львы украшают рукава одежды Ксеркса

[Stronah 1993, fig. 6, 10]. Проникнув в иранский мир, шествующие львы стали одним из символов мощи шахиншахов Ахеменидской империи. Мы находим их также на нагруднике со львами из пятого Пазырыкского кургана, выполненном египетскими мастерами в ахеменидском каноне [Царева 2006], т.е. на памятниках генетически близкой бактрийцам культуре ахеменидского Ирана (см. рис. 5).

Образ идущих кошачьих (их часто невозможно определить точнее) абсолютно типичен для бестиария всей территории Центральной Азии как более раннего, так и более позднего времени. Наверно, наиболее раннее зафиксированное изображение такого рода было обнаружено на сосуде из поселения Намазга позднеэнеолитического времени, Южный Туркменистан, конец IV — 1 половина III тыс. до н.э. [Царева 2004, рис. 21]. Судя по Царским курганам зоны Степного Коридора, в период ранних кочевников ряды кошачьих стали характерным украшением одежды скифской и сакской знати: блистательным примером являются нашивки на плаще спутницы вождя из парного захоронения в кургане Аржан-2 в Туве, VII в. до н.э. [Im Zeichen 2007: 76].

В период раннего средневековья не нашивные, но тканые львы в кругах с перлами украшали любимые согдийской и сасанидской знатью роскошные самиты¹⁵. К этому времени образ шествующего льва также прочно вошел в «репертуар» сюжетов бактрийских ковров. Но! Создается впечатление, что у создателей ковров бактрийского типа еще большей популярностью пользовался образ льва лежащего. Так, нам известны по меньшей мере три ворсовых панели с такими изображениями. Хронологически мотив столь же древен, как сфинксы Египта, и зафиксирован во множестве разновременных вариантов. В позе «бактрийского» лежащего льва, однако, присутствует характерная особенность: «царь зверей» повернул голову к зрителям и смотрит на нас большими выразительными глазами (рис. 6). Подобная иконография восходит к культовым памятникам Древнего Востока и характерна, в частности, для североиндийских скульптурных изображений: в тех и других львы служат подножиями для стоящих на них божеств. Судя по фрагменту обнаруженной в Пенджикенте скульптуры такого типа (сохранился лев с попонкой, скульптура божества утрачена [Кажюмов 2005, № 128]), иконография лежащего льва с фронтально повернутой головой была распространена и на северных территориях Кушанской империи, включая Среднеазиатское Междуречье. Кардинальное отличие между ткаными и скульптурными изображениями состоит в том, что в коврах, в отличие от каменных изваяний, лежащий лев представляет собой вполне самостоятельную фигуру. Причем некоторые детали композиций бактрийских ковров с лежащими львами позволяют предположить, что в Бактрии и Согде образ сформировался под влиянием символики христианства (символ Христа, Марии Египетской, св. Павла Отшельника и др.),

¹⁵ См., например, ткань костюма участника пира на настенной росписи храма Пенджикента, 400–750 гг. [Marshak 2006, fig. 28].

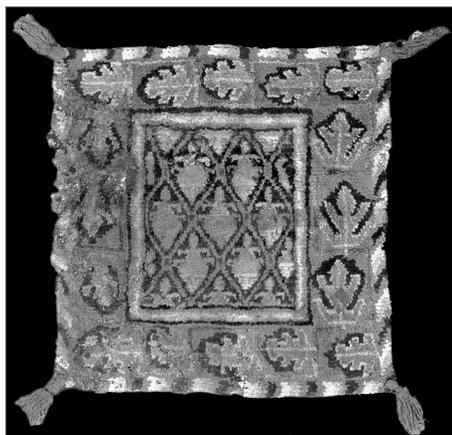

Рис. 7. Ворсовый шерстяной наседельник. Хиньян, I–II в. н.э.
(по: [Shampula 2001, fig. 14]).

Рис. 8. Вышивка с изображениями тигров. Ноин-Ула. I в. до н.э.
(по: [Руденко 1962, табл. L]).

получившего широкое распространение в Средней Азии с проникновением сюда в V в. несториан [Никитин 1984].

В отличие от изображений львов образ тигра, видимо, не был «аборигенным» для искусства рассматриваемых территорий, проник в искусство Бактрии достаточно поздно и, вероятно, несколькими путями. Один из таких путей уводит нас на восток, во всяком случае абсолютно узнаваемое изображение идущего тигра появилось у восточных обитателей сакоскифского мира раньше, чем у их западных родственников. Ярким и выразительным примером этому служит саркофаг из второго Башадарского кургана, относящийся к памятникам пазырыкской культуры и датируемый VI в. до н.э. [Im Zeitchen des Goldenen Greifen... 2007: 122].

Кроме того, шествующий тигр мог прийти в Среднеазиатское Междуречье и с юга, из Северной Индии, причем в гораздо более раннее время, поскольку контакты цивилизации Инда с территорией БМАК прослеживаются по крайней мере с III тыс. до н.э. Как бы то ни было, в изобразительном искусстве стран западной части Центральной Азии и в Иране иконография шествующего тигра (а не кошачьих в целом) сложилась, по-видимому, только в поздний Сасанидский период¹⁶.

В связи с затронутой темой отметим, что в килимах ранних кочевников встречается интереснейший вариант «тигриной» темы, представленный изображениями распластанной полосатой шкуры. Наиболее ранние постилочные ковры с таким рисунком происходят из кургана Аржан-2 [Аржан 2004: 62]¹⁷. Вполне узнаваемые тигры вышиты на коврах бактрийской работы из Ноин-Улы, конец I в. до н.э. (рис. 8). Данная линия активно разрабатывалась тибетскими ткачами, и поныне создающими ковры с рисунком

¹⁶ Великолепное изображение идущего льва представлено на Сасанидском серебряном блюде, V–VI вв. н.э., собрание Государственного Эрмитажа.

¹⁷ Примечательно, что найденные в кургане Аржан-2 килимы такого типа выполнены в архаичной технике твайн.

тигровой шкуры, используемые для украшения колонн буддийских храмов. В связи со сказанным можно также вспомнить индийскую традицию использования собственно тигровой шкуры в качестве постилочного коврика. В ворсовой технике рисунок в виде распластанной тигровой шкуры представлен фрагментом ковра центрально-азиатской работы, датированным I — началом IV в. н.э. [Glanz 2005, fig. 1].

Но вернемся к образу идущего тигра. В узелковых коврах названных территорий мотив выявлен в раннесредневековых изделиях III — конца VI вв., причем они более многочисленны, чем ковры со львами (известны три ковра и один фрагмент). В какой-то момент лев и тигр встретились, можно сказать, неизбежно, на «территории» центрального поля бактрийских ворсовых тканей. Одна из самых выразительных композиций такого типа — идущие навстречу друг другу лев и тигр на фоне трех деревьев¹⁸. Ковер выполнен в каноне зрелого эллинистического искусства, что включает, в частности, определенный набор койм и манеру изображения деревьев, характерные для коптских гобеленовых завес [Каковкин 2004, кат. 33, 80] и мозаик [Dunbabin 1999: 95, 207, др.]. Особо важным сопоставлением при рассмотрении темы является сюжет трех деревьев, служащих в ряде мозаик фоном для звериных сцен¹⁹.

Постепенное угасание идеологии, питавшей бактрийскую изобразительную традицию в странах ислама, привело к исчезновению звериных сюжетов из репертуара ворсовых ковров²⁰. Все более важное место в них занимают растительные мотивы, в том числе и изображения деревьев, прежде имевшие значение фоновых сюжетов и располагавшиеся на заднем плане и между фигурами хищников. Но даже и такие крайне стилизованные образы деревьев сохранились только в молитвенных коврах намазлык, изготавливавшихся городским населением таких оазисов, как Хотанский на восточной и Средне-Амударьинский на западной территориях бывшей Кушанской империи.

Библиография

Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004.

Каковкин А.Я. Сокровища коптской коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2004.

Каюмов Р. Памятник Афрасиаба и его живопись // Великий шелковый путь и его наследие. Токио, 2005.

Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984. С. 121–137.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.

¹⁸ Фрагмент ковра «Лев и тигр» был опубликован в каталоге [Ursprünge 2007, fig. 139]. Место происхождения – Лоулань, время – Восточная Хань, 244–416 гг.

¹⁹ Сцены противостояния диких животных также встречаются на эллинистических мозаиках [Dunbabin 1999: 24–25].

²⁰ Исключением является традиционное ковроделие Средней Амударьи (XVIII — начало XX в.) с его многочисленными анималистическими сюжетами. Следует, однако, подчеркнуть иной, чем у льва, генезис таких изображений, уходящих корнями в неолитическое прошлое региона и получивших дальнейшее развитие в культуре БМАК [Царева 2006].

Сарианиди В.И. Мургуш. Древневосточное царство в старой дельте руки Мургаб. Ашхабад, 2002.

Царева Е.Г. Тотемные изображения на ворсовых коврах Средней Амударьи // У истоков цивилизации: Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. М., 2004. С. 202–224.

Царева Е.Г. Ворсовое ткачество Средней Амударьи в контексте евразийской традиции // Котин И.Ю., Родионов М.А., Царева Е.Г. Социум и окружающий мир в традициях Центральной, Южной и Юго-Западной Азии. СПб., 2006. С. 7–98.

Akurgal E. The Hattian and Hittite Civilizations. Ankara, 2001.

Barkova L. The Pazyryk — Fifty Years On // Hali. The International Magazine of Antique Carpet and textile Art. Issue 107. 1999. P. 64–69.

Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberger Berichte, 9. Abegg-Stiftung, 2006.

K.M.D. Dunbabin. Mosaics of the Greek and Roman World. Cambridge, 1999.

Fabulous Creatures from the Desert Sands. Central Asian Woolen textiles from the Second Century BC to the Second Century AD // Riggisberger Berichte, 10. Abegg-Stiftung, 2001.

Glanz der Himmelsöhne. Kaiserliche Teppiche aus China 1400–1750. Köln; London, 2005.

Hopkirk P. Foreign Devils on the Silk Road. The Search for the Lost treasures of Central Asia. Oxford, 1980.

Hrouda B. Der Alter Orient. Geschichte und Kultur des alten Vorderasien. München, 2005.

Im Zeichen des goldenen Greifen. Königs Gräber der Skythen. Berlin, 2007.

Kazuko Y. The Horyu-ji Lion-hunting Silk and Related Silks // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberger Berichte, 9. Abegg-Stiftung, 2006. P. 155–173.

König H. Silk Road art in Shanghai // Hali. 1999. Issue 102. P. 86–87.

Marshak B.I. The So-called Zandaniji Silks: Comparisons with the Art of Sogdia // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberger Berichte, 9. Abegg-Stiftung, 2006. P. 49–60.

Marzahn J. The Ishtar Gate. The Processional Way. The New Year Festival of Babylon. Berlin, 1995.

Rudenko S.Iv. Frozen Tombs of Siberia: The Pazyryk Burials of Iron-Age Horseman. Berkley; Los Angeles, 1970.

Stein M. Aurel. Serindia: Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China: 5 vols. Oxford, 1921.

Stein M. Aurel. Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu an Eastern Iran: 4 vols. Oxford, 1928.

Stronah D. Patterns of Prestige in the Pazyryk Carpet: Notes on the Representational Role of Textiles in the First Millennium BC // Oriental carpet and Textile Studies. Vol. IV. Berkeley, 1993.

Sylwan V. Investigation of Silk from Edsen-Gol and Lop-Nor and a Survey of Wool and Vegetable Materials // Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition. Publication 32. VII. Archaeology, 6. Stockholm, 1949.

The Treasures of Istanbul Archaeological Museum. Istanbul [год не указан].

Ursprünge der Seidenstrasse. Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. Herausgegeben von A. Wiczorek und Ch. Lind. Stuttgart, 2007.

Wenyng L. Textiles of the Second to Fifth Century Unearthed from Yingpan Cemetery // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberger Berichte, 9. Abegg-Stiftung, 2006. P. 243–264.